

СЕЛЕСТА БАРБЕР

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

**В**ЫЗОВ  
ПРИНЯТ!

*Уморительно  
смешной гид по  
жизни для женщин,  
которых утомили  
глянцевые картинки  
из Инстаграма*

**PASSION.RU**

Селеста Барбер  
**Вызов принят!**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

## **Барбер С.**

Вызов принят! / С. Барбер — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-113690-1

Селеста Барбер – актриса и комик из Австралии. Несколько лет назад она начала публиковать в своем инстаграм-аккаунте пародии на инста-див и фешен-съёмки, где девушки с идеальными телами сидят в претенциозных позах, артистично изгибаются или непринужденно пьют утренний смузи в одном белье. Нужно сказать, что Селеста родила двоих детей и размер ее одежды совсем не S. За восемнадцать месяцев количество ее подписчиков выросло до 3 миллионов. Она стала живым воплощением той женской части инстаграма, что наблюдает за глянцевыми картинками со смесью скепсиса, зависти и восхищения, – то есть большинства женщин, у которых слишком много забот, чтобы с непринужденным видом жевать лист органического салата или медитировать на морском побережье с укладкой и макияжем. В своей дебютной книге Селеста с юмором рассказывает о том, как не бояться быть собой, любить свое тело, а главное, как найти #сексимужу, даже если у тебя нет подбородка и есть лишние килограммы...

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-113690-1

© Барбер С., 2018

© Эксмо, 2018

## Содержание

Пилот	6
Глава, в которой я едва не вывернулась наизнанку	8
Глава, в которой моими воображаемыми (нет) друзьями детства стали стимуляторы	15
Глава о папе	23
Глава, в которой я танцевала до упаду	26
Глава, в которой я делюсь своей историей под тэгом #metoo (Грустный Смайл)	29
Глава о моем несуществующем брате Майкле	33
Глава о том, как меня, кажется, травили в школе	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

# Селеста Барбер

## Вызов принят!

Celeste Barber

Challenge accepted!

Copyright © 2018 by Celeste Barber

Фотография на обложке: © Daniel Pockett / Gettyimages.ru.

© Кульницкая В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Джоджо, Марку и Ник.*

*Возвращайтесь, пожалуйста, мне столько всего нужно вам рассказать.*

## Пилот

ПРИВЕТ-ПРИВЕТ, ОТВЯЗНЫЕ ЗНОЙНЫЕ цыпочки! Спасибо, что купили мою книжку (или изобразили восторг, когда золовка вручила ее вам в подарок на Рождество, хоть и были уверены, что она в последний момент ухватила ее в магазинчике в аэропорту).

Спорим, вы думаете: «О, эта Селеста – вылитая я!» Если, конечно, обложка моей книги не навела вас на мысль, что у меня не все дома. А моя первая учительница – назовем ее, скажем, миссис Флит – наверняка брюзжит: «Если уж эта пустышка смогла написать книгу, то вообще что угодно может случиться». И да, вы правы, миссис Флит, на этом свете возможно все. Даже для девочки, которую вы обзывали невеждой, прекрасно зная, что у нее СДВ и дислексия.

Эта книга очень важная для меня. И не только потому, что гонорара хватит на то, чтобы регулярно закрашивать седину. Но еще и потому, что все вы были ко мне очень добры, поддерживали мои начинания и даже книгу мою купили. (Все, заткнись! Ты впадаешь в сентиментальность уже в предисловии.)

Ближе всего к тому, чтобы написать книгу, я была в начальной школе, когда перемену за переменной просиживала над тетрадкой, заполняя страницы предложениями: «Я не буду огрызаться на учительницу. Я не буду огрызаться на учительницу». Это получалось у меня легко и быстро. И я понадеялась, что и с книгой выйдет примерно так.

Я люблю писать. Несмотря на то что я не мастер художественного слова, воспринимаю слова фонетически и автозамена исправляет примерно 98 процентов написанного мной текста. И все же мне всегда доставляло удовольствие самовыражаться с помощью бумаги и ручки. Ровно до тех пор, пока я не начала писать книгу. Потому что сейчас я в такой панике, что меня так и подмывает пойти и поорать немного в подушку. Но обложка ведь просто прелесть, правда?

А сейчас я хочу обратиться ко всем, кто думает: «Боже, я только что *раскошел* на книгу, написанную девчонкой, которая только и умеет, что фотографироваться в нелепых, уродующих ее позах». Не бойтесь! В своей книге я собираюсь затронуть ряд очень важных проблем, начиная с того, сколько миллионов насчитывает состояние Билла Гейтса, и заканчивая тем, почему лазерная эпиляция работает на темных волосах лучше, чем на светлых<sup>1</sup>. Для начала назову пять причин, доказывающих, что приобрести мою книгу было хорошей идеей:

1. Чтобы купить ее, вы пошли в книжный. Йууухуу! Людей, которые прикидываются умниками, все хотят. Ну а если вы заказали ее в интернет-магазине, значит, оформив покупку, вы можете всего в один клик вернуться на «Порнхаб»<sup>2</sup> и уж там-то оттянуться как следует. Ни в чем себе не отказывайте, дорогие!

2. Если книга вам не понравится, вы сможете передарить ее вашей знакомой средних лет по имени Беверли – такие обычно считают меня клевой.

3. Заказав эту книгу, вы помогли мне купить школьную сменку моим детишкам. Все они передают вам большое спасибо.

---

<sup>1</sup> Это ложь. В моей книге вы не найдете ни слова о Билле Гейтсе и проблемах удаления волосяного покрова. Я просто наврала, чтобы вас рассмешить. Привыкайте, потому что в дальнейшем я буду делать это часто. У меня навязчивая идея – заставлять людей смеяться, чего бы мне это ни стоило. Мой психоаналитик в курсе.

<sup>2</sup> «Порнхаб» не является спонсором этой книги. И милейшие люди из издательства «ХарперКоллинз» не имеют к нему никакого отношения (по крайней мере, насколько мне известно). Это была просто шутка. Шутка, которую теперь приходится объяснять. Все же знают, что самые лучшие шутки – они такие. Кстати, раз уж такое дело, предлагаю вам увлекательную игру, которой вы можете заняться в процессе чтения. Опрокидывайте рюмашку каждый раз, когда видите в тексте слово «смайл». И не забывайте сделать то же самое при виде слов «и», «но», «#сексимум» и «шейка матки». НУ, ВЗДРОГНУЛИ!

4. Узнав, что вы купили мою книгу, люди подумают, что вы феминистка. А феминисток *любят* все. Не верите мне, спросите Жермен Грир<sup>3</sup>.

5. Если уж Брэнди Глэнвилл<sup>4</sup> (погуглите, кто это такая, она будет в восторге) смогла написать книгу, которую «*Нью-Йорк таймс*» назвал бестселлером, то мне и подавно это под силу.

---

<sup>3</sup> Жермен Грир – английская писательница, ученая и телеведущая, которая многими считается одной из наиболее значительных феминисток XX века (*прим. переводчика*).

<sup>4</sup> Брэнди Глэнвилл – американская фотомодель и дизайнер (*прим. переводчика*).

## Глава, в которой я едва не вывернулась наизнанку

*Я никогда не задумывалась, как люди начинают писать книги, тем более мемуары. Не говоря уж о том, с чего начать мемуары женщине тридцати шести лет, чья карьера в роли новой, чуть менее пышногрудой Мишель Визаж<sup>5</sup> еще даже толком не стартовала. И я решила, что просто возьму и с ходу выложу вам одну из самых своих любимых историй. Итак, встречайте: «Рассказ о том, как я познакомилась со своим старшим сыном», или «День, когда моя некогда изящная вагина превратилась в гигантскую дыру».*

\* \* \*

ИНТЕРЕСНО, БЕРЕМЕННОСТИ ВООБЩЕ БЫВАЮТ запланированными? Нет, серьезно! Лично для меня они всегда оказывались огромным чертовым сюрпризом. Притом сюрпризом не из категории «Оу, курьер из интернет-магазина доставил штуку, которую я заказала давным-давно и о которой успела напрочь забыть», а скорее сюрпризом вроде объявления в любимом кафе: «Простите, бекон закончился». Поначалу это досадно, но в долгосрочной перспективе оказывается к лучшему.

У меня четверо детей. Два мальчика, выскочивших из моего собственного живота, и две девочки, которые шли в комплекте с моим мужем Апи. Когда я познакомилась с ними, Саре было два, а Кье – четыре. Мне же, когда я стала их мачехой, был двадцать один год.

Мой старший сын Лу появился на свет в маленьком городке на Средне-Северном побережье Нового Южного Уэльса. Апи купил там дом вскоре после рождения своей старшей дочери, и когда я узнала, что беременна, мы с ним переехали туда. Для тех домоседов, кто понятия не имеет, о чем это я, поясню: Средне-Северное побережье – это местность в восточной части Австралии. Расположена она примерно в часе езды к югу от гигиены и в полутора часах езды к северу от крушения последних остатков вдохновения. Представьте себе Париж. Уберите из него культурную жизнь, искусство, потрясающую кухню, столичную суету и пробки на дорогах. А вместо всего этого добавьте деревья, пляж, косность местного населения, засилье мамаш подросткового возраста, двух взростлеющих падчериц и супермаркеты «Вулиз». Вы на месте!

Заняться на Средне-Северном побережье было нечем. Абсолютно. Знаю, многим людям такое понравилось бы, но я не из их числа. Мне обязательно нужно было *какое-нибудь дело*. Я жила на краю географии, была беременна, воспитывала двух девочек, ежедневно переживала гормональные американские горки... И если бы я не нашла себе занятие, однажды я бы просто покидала в сумку вещички и смоталась куда глаза глядят, переваливаясь на ходу, как пингвин. Тогда я решила, что буду не просто вынашивать ребенка, я погружусь в этот процесс с головой, я буду творить новую жизнь, черт меня побери, а все остальное подождет.

Я записала нас с Апи на курс «Роды без страха», и вскоре мы стали одной из тех пар, что ведут себя так, будто это они изобрели деторождение. «Роды без страха» – фантастическая штука, правда, мало чем отличающаяся от «Гипнородов» и «Активных родов». В общем, это учебный курс, который должен эмоционально, морально и физически подготовить мужчину и женщину к тому, что скоро они станут родителями.

Концепция этого курса состоит в том, чтобы в момент родов сосредоточиться на себе и своем партнере и пережить этот процесс как нечто естественное – то есть не бояться и не считать, что тебе может потребоваться стороннее вмешательство. Доверять себе и полностью полагаться на свои силы. Подозреваю, что это все Бейонсе придумала.

---

<sup>5</sup> Мишель Визаж – американская певица, радио- и телеведущая, продюсер (*прим. переводчика*).

Я не сомневалась, что мое тело способно перенести все, что от него потребуется. Что вызывало опасения, так это мой неуемный разум. Да, я хотела, чтобы роды прошли по возможности естественно, но боялась, что запасов моей внутренней свободы на это не хватит. И когда акушерка спросила, какие у меня предпочтения, я ответила: «В идеале я бы хотела произвести дитя на свет в тропическом лесу. То есть в таком месте, где не нужны никакие лекарства, где все происходит в гармонии с природой: деревья шумят, опоссумы снуют туда-сюда... Правда, мне бы очень хотелось, чтобы в этом тропическом лесу было центральное отопление, чтобы слышно было, как где-то рядом проезжают машины, и на всем лежал легкий налет культуры. И да, поблизости обязательно должна быть дверь в операционную, а там, за дверью, все известные миру лекарства и обезболивающие. Ну, просто на случай, если в процессе я передумаю».

Наблюдалась я в крошечной клинике в близлежащем городке. В ней не было ни лекарств, ни полов с подогревом, ни дверей, ведущих в операционную. Опоссумов, правда, тоже не было. В общем, это был настоящий родильный тропический лес – очень холодный тропический лес. А рожать в ледяном тропическом лесу никому не захочется! К тому же раньше у меня были проблемы с сердцем – если на этом месте вы бросите читать, то у вас и вовсе сердца нет! – и теперь доктора опасались, что оно может не перенести чрезмерной нагрузки и разорваться прямо в процессе родов (да-да, именно так мне и сказали!). Поэтому меня записали в группу риска и не разрешили мне рожать в Тропической Клинике. А вместо этого направили в больницу побольше, в Клинику С Таблетками, где у персонала был наготове запас первоклассного морфина и еще каких-то веществ попроще.

Клиника С Таблетками находилась в часе езды от дома. Поэтому мы решили, что наблюдать до родов я буду в Тропической Клинике по месту жительства, а все вопли и разрывы оставлю для Клиники С Таблетками.

\* \* \*

В день, когда мой сын должен был появиться на свет, я проснулась и поняла, что процесс пошел. Мы походили по комнате, позанимались йогой для беременных, съели чили на завтрак. Апи предложил заняться сексом, а я, взглянув на него, подумала, что убийство тоже должно неплохо стимулировать родовую деятельность. Затем Апи решил, что в такой важный день ему просто необходимо пойти покататься на серфе, а моя мама пока помассировала мне поясницу. В общем, мы проделали все, что положено делать в ситуации «Кажется, я рожаю».

День прошел под девизом: «Срань господня, неужели у меня получится?» А потом мы решили, что пришла пора навеститься в Тропическую Клинику. Мне хотелось, чтобы меня осмотрели и подтвердили, что я действительно рожаю, а не мучаюсь газами (а то был уже случай, когда я решила, что роды начались, а оказалось, что виной всему несвежий бобовый буррито).

В Тропической Клинике, как обычно, было холодно и тихо. А я ненавижу холод и тишину. Холод и тишина меня вовсе не успокаивают, они меня бесят. Тепло и шум – вот что мне нужно, когда я планирую вечеринку в честь тридцатилетия или собираюсь произвести на свет нового человека. Когда вокруг кипит жизнь, мне спокойно. Я люблю суматоху, в ней мне всегда проще расслабиться и «погрузиться в себя». Никакие свечи с ароматом лаванды не успокоят меня так, как флуоресцентные лампы под потолком, люди в белых халатах и крики «ТУЖЬСЯ! ТУЖЬСЯ!» из соседних родовых боксов.

К тому же Бренда, акушерка из Тропической Клиники, оказалась полным отстоем. Мне было больно, страшно и чертовски холодно, а она совершенно ничем не хотела мне помочь. Знаю, я не первая женщина в мире, которой довелось произвести на свет ребенка, и роды тоже изобрела не я. Всем известно, что это сделала Тина Ноулз, мама Бейонсе. Но я была

напугана и надеялась на поддержку и понимание, а может, и на чашечку чая с медом и молоком. #примадонна рождает. А Бренде до моих желаний и дела не было.

Едва я вошла в палату, как она спросила меня: «Мазня была?» И я тут же переключилась в режим, в который всегда автоматически переключаюсь, как только мне становится неловко: я начала острить. И Апи мгновенно понял, что дело плохо.

*Я: Все зависит от того, что именно вы имеете в виду.*

*Медсестра: Как это?*

*Апи: О господи!*

*Я: Ну, мне разную мазню доводилось в жизни видеть.*

*Медсестра: Прошу прощения?*

*Апи: Пожалуйста, перестань.*

*Я: Ходила я на выставки, где среди посетителей не протолкнуться было и все так нахваливали картины. А как по мне, так мазня мазней. Так что уточните, пожалуйста, о чем речь.*

*Апи: Ненавижу тебя!*

*Медсестра: Вы бурый сгусток у себя на трусах видели? Мазню? Слизистая пробка у вас отошла?*

*Я: Оу... Нет...*

*Медсестра: Ясно. Тогда мне нужно вас осмотреть и проверить, действительно ли у вас начались роды.*

*Я: Да можете не сомневаться, я точно...*

В этот момент она воткнула в меня два обтянутых резиновой перчаткой пальца. Пошевелила ими внутри, а затем вытащила и продемонстрировала мне – выпачканные остатками моего достоинства, самоуважения и еще чем-то, отдаленно похожим на устрицу, – и объявила: «Вот она, мазня!» А затем вышла из палаты и захлопнула за собой дверь.

Я взглянула на Апи и не успела даже сказать: «Увози меня отсюда, на хрен», как он уже начал собирать вещи. Помогая мне слезть с кушетки, он принялся умолять меня никогда больше не острить в больнице. На что я ответила: «В таком состоянии я ничего не могу обещать, дружище. Мне только что сделала фистинг женщина по имени Бренда».

Мы заехали домой, где в тревоге металась моя мама, взяли сумки и отправились в Клинику С Таблетками. Добирались мы до нее примерно 353 837 часов, и виноват в этом был, конечно, Апи. И в том, что мне было тесно на заднем сиденье, тоже был виноват Апи. И в том, что схватки становились все болезненнее, тоже был виноват Апи. И моя беременность, разумеется, была целиком на его совести. Что там еще? Кризис в Сирии? Это все Апи!

В Клинике С Таблетками тоже оказалось холодно и тихо. Господи, да они все сговорились, что ли? Мы позвонили в дверной звонок, прошли через одни двери, затем через другие. Но когда, миновав все преграды, мы все же попали в родильное отделение, там царил такой чертов цирк, что я сразу успокоилась. Акушерки носились из бокса в бокс как угорелые, повсюду слонялись вымотанные и растерянные будущие папаши, у всех поминутно звонили мобильники, и все почему-то истошно орали в трубки. И БАЦ! Я мгновенно поняла, что теперь я в надежном месте и здесь у меня все получится. Температура в больнице все же оставляла желать лучшего, но я решила не расплытаться на мелочи и побережь силы для главного сражения – того, в котором меня должно было разорвать на тысячу хомячков. Мы познакомились с акушеркой Венди и вручили ей наш план родов. Оказалось, что она всеми руками за «Роды без страха» и очень поддерживает нашу идею рожать в воде. Она нам так и сказала: «Я всеми руками за «Роды без страха». И очень поддерживаю вашу идею рожать в воде». В общем, ску-

чать по Бренде-королеве-фистинга нам не пришлось. Венди так горела желанием помочь, что начала давать Апи ценные указания даже раньше, чем мы успели войти в родильный бокс.

*Венди: Папочка, имейте в виду, во время волнующего действия мамочке нужна будет ваша поддержка. Так что пока идут схватки, вы мамочку, пожалуйста, не трогайте и не разговаривайте с ней, хорошо?*

*Апи: Хорошо.*

*Венди: Отлично. А от вас, мамочка, мне потребуется...*

У меня как раз начиналась очередная схватка, к тому же мне было холодно. В общем, я была не в настроении слушать щебетание Венди.

*Я: Венди, ни слова больше! Я прекрасно знаю, что от меня потребуется – вытихнуть наружу чертова ребенка, вот что. Так что, пожалуйста, ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ!*

Схватка утихла. А вместе с ней угасла и возможность подружиться с Венди на всю оставшуюся жизнь.

Еще пара схваток прошли тем же манером, а затем Венди оставила нас ненадолго и ушла в соседнюю палату навестить стайку пятнадцатилетних рожениц, которых тоже распирало изнутри. Ну наконец-то! Теперь мы с Апи могли побыть вдвоем и заняться тем, чем давно хотели. Он лег спать, а я принялась разгуливать взад-вперед по боксу с грацией слона в посудной лавке.

Следующие пять часов я мерила шагами палату, вопила, орала, прыгала на фитболе, пинала фитбол, залезала в душ, вылезала из душа, колотила душевую лейку о стену, снова садилась на фитбол. А Апи спал. Пару раз к нам заглядывала Венди – проверить, как у меня дела. Между плечом и ухом у нее был зажат мобильник, на который без остановки названивали беременные девочки-подростки. Создавалось ощущение, что жительницы Средне-Северного побережья только и делают, что теряют девственность и рожают.

Когда Венди вошла в бокс на исходе седьмого часа схваток, я твердо решила, что С. Меня. ХВАТИТ.

*Я: Венди, я больше не могу.*

*Венди: О, милая, кажется, мы переходим к следующему этапу?*

*Я: О чем это вы?*

*Венди: Когда дело доходит до потуг, большинство женщин говорит: «Все, не могу больше». Но ты сможешь, милая! Конечно, сможешь!*

*Я: Слушайте, я знаю, что другие говорят: «Я не могу» – просто от страха, а на самом деле все они могут. Но поймите, вот я – я точно не могу. Так что все, большое спасибо, я домой. АПИ, ПРОСЫПАЙСЯ! МЫ УЕЗЖАЕМ!*

Но самое смешное, что Венди оказалась права. Роды в самом деле перешли в следующую стадию, и на свет вот-вот должен был появиться ребенок. Матерь божья! Меня это сообщение ни капли не успокоило. Я вдруг осознала, что на этом этапе мне уже точно не дадут никаких волшебных таблеточек из больничных закромов. И что единственное, что мне теперь остается, чтобы извлечь из себя ребенка, – это заняться вагинальным экзорцизмом.

Хотелось бы мне сказать, что от одной мысли о том, как я буду держать на руках своего малыша, все мои страхи развеялись, а на смену им пришли мужество, решительность и стойкость. Но ничего подобного. На самом деле я просто оцепенела от боли, от сознания, что

пылающий обруч, сквозь который мне предстоит проскочить, становился все ближе, и от ужа-сающей мысли: «Что, если во время потуг у меня задница взорвется?»

Венди попросила меня лечь на кушетку, чтобы она могла посмотреть раскрытие. Я осно-вательно пнула Апи, чтобы он продрал уже наконец глаза, слез с кровати и дал мне пережить второй за сутки сеанс фистинга с женщиной. Угу, все было так, как она и говорила. Шейка матки раскрылась на восемь сантиметров, а значит, мне пора было отправляться в теплую водичку и готовиться к тому, что сейчас меня разорвет на куски.

Венди пошла наполнять ванну. Апи бестолково слонялся по боксу, и вид у него был слегка пришибленный – ладно, будем честны, после дневного сна мало кто встает свежим и бодрым. А я попыталась было удрать. Но тщетно.

Потом я легла в ванну и... Ничего не изменилось. Я-то думала, что, как только залезу в нее, вода смоет все мои печали – потому что именно так говорилось в видеоуроках про роды. Некоторые женщины утверждали, что даже оргазм в процессе испытывали. Чтоб им про-валиться! Лично мне вода ничем не помогла. Мне по-прежнему было неудобно, у меня все болело, только до кучи я теперь была еще и мокрая. И не в том смысле, как те счастливицы, что кончали от схваток.

Воды у меня так и не отошли, и я начала психовать. Ванна стояла в углу помещения, а прямо над ней болтался красный шнур – на случай непредвиденной ситуации. Дернешь за него – и в ванну тут же ворвется весь актерский состав «Анатомии страсти».

Венди снова пришлось отбежать к другим шейкам матки, а я вдруг поняла, что на меня что-то жутко давит изнутри. Ровно на то место, где по идее и должно давить, когда роды пере-ходят в следующую стадию.

Срань господня, да он же вылезает! Из меня сейчас выскочит ребенок, а мне даже и тужиться не пришлось. Боже, неужели те сучки в школе, которые распускали слухи, будто я слаба на передок, были правы?

В следующую секунду раздался оглушительный бульк. «Срань господня! – заорала я. – Апи, позови ее! Тащи сюда Венди! Он вылезает! Малыш вылезает!»

От моего вопля Апи подпрыгнул и дернул за красный шнур с такой силой, что тот ото-рвался. И пока он пытался содрать с себя чертову веревку, которая, конечно, мгновенно запу-талась, я поняла, что малыш пока никуда не лезет, это просто у меня воды отошли. Вот так-то! И ничего я не слаба на передок, утритеесь, гадкие одноклассницы!

Тут снова явилась Венди и объявила нам с Апи, что теперь наша основная задача – устро-ить меня как можно удобнее. У Находчивой Венди даже список самых популярных поз был заготовлен.

*Венди: Попробуйте на коленях...*

*Я: Нет.*

*Венди: А может, сидя, поставив ноги на бортики?*

*Я: Нет.*

*Венди: А некоторым удобно, лежа на боку с опорой на локоть. А муж чтобы в этот момент удерживал ту ногу, что сверху, в воздухе. Знаете, как в футболе, «удар ножницами».*

*Я: Нет. И, бога ради, не произносите большие выражения «удар ножницами».*

*Венди: Ладно. Попробуем на четвереньках.*

*Апи: А-ха-ха. Благодаря этой фразе мы здесь и оказались.*

*Я: ТЫ В СВОЕМ УМЕ?*

*Апи: Ну прости. Я просто пытался разрядить обстановку.*

*Я: Подойди-ка поближе, я тебе член отрежу. Вот что точно разрядит обстановку.*

И вот я встала на четвереньки, вцепилась зубами в металлическую окантовку на бортике ванны и начала тужиться. Все знают, что, когда рожашь, тужиться надо задницей, чтобы ощущение было такое, будто ты сейчас обгадишься.

И Венди тоже была в курсе. Я уже минут сорок пять усердно тужилась задницей, когда Венди, моя Венди, вдруг наклонилась ко мне и стала распинаться, как это важно – тужиться так, как будто хочешь по-большому.

*Венди: Мы почти у цели, почти у цели.*

*Я: ЖОПА СРАНАЯ ГРЕБАНЫЙ ХРЕН В БОГА ДУШУ МАТЬ!..*

*Венди: Вы такая умница, мамочка, такая умница!*

*Я: ААААРРРРГГГГХХХХ!!!*

*Венди: Тужимся в попку, мамочка, тужимся в попку. Если немножко напачкаете, не беда, у меня лоточек для какашек есть.*

С этими словами она достала откуда-то «лоточек для какашек» – штуку, по форме напоминающую совок, – и продемонстрировала его нам с такой гордостью, с какой Муфаса показывал стае новорожденного Симбу в мультике про Короля Льва. Сначала сунула его в лицо мне, затем Апи и, наконец, для пушшего эффекта снова мне.

И все это ровно в тот момент, когда меня скрутило очередной схваткой. Я оглянулась – вернее, повернула голову, тело мое осталось неподвижным. Посмотрела на нее налитыми кровью глазами и прорычала сквозь стиснутые зубы: «Венди, мне плевать на лоточек для какашек! Мне все равно, куда гадить, хоть тебе в лицо. Просто. Вынь. Из. Меня. Ребенка».

Апи пришел в ужас. Молоденькая практикантка, которая жалась в углу и оттуда таранилась на его обнаженный торс (#сексимум как раз скинул рубашку), тоже пришла в ужас. Но Венди даже в лице не переменилась. Не спуская с меня глаз, она медленно поставила лоточек для какашек на пол. Думаю, она бы с удовольствием послала меня ко всем чертям, но профессионализм ей этого не позволил, и она спустила все на тормозах. И вот Венди и ее лучшая подружка Селеста снова были готовы сражаться плечом к плечу.

Я тужилась уже час, когда Венди сказала, что нужно проверить, как работает мое сердце. Нельзя, чтобы оно слишком долго подвергалось сильной нагрузке. Оказывается, рожать восемь часов абсолютно нормально, но если роды длятся восемь часов и пять минут – это уже повод для паники.

Примерно в это время пылающий обруч, через который я все никак не могла проскочить, вспыхнул во всю мощь, и тут Венди сообщила, что уже может потрогать головку ребенка. МЕРЗОСТЬ КАКАЯ! Венди спросила, не хочу ли я просунуть руку между ног и пощупать макушку малыша, чтобы прочувствовать этот момент.

**ПРОЧУВСТВОВАТЬ ЭТОТ МОМЕНТ?** Да я его чувствовала как никто! Не будь меня, не было бы никакой младенческой головки. И #сексимум не рыдал бы в ванне. И лоточек для какашек бы не понадобился! **ПРОЧУВСТВОВАТЬ, БЛИН, МОМЕНТ!** Беда в том, что я очень страдаю от синдрома упущенной выгоды. А вдруг какая-то важная часть появления моего сына на свет пройдет мимо меня? В общем, я послушалась, просунула руку между ног и потрогала там. И да, как я и предполагала, это было мерзко. Все какое-то скользкое, мохнатое и охрененно странное.

Тогда я скомандовала себе: «Руки по швам!» – и продолжила сипеть и хрипеть.

Еще одна потуга – и головка выскочила наружу. Я-то стояла на четвереньках и ничего не видела. Но Апи все видно было прекрасно. Он сообщил мне, что сын – вылитый он, и тут же разревелся. Я принялась вертеться, как кошка на обитом кожей диване, чтобы как-нибудь исхитриться и рассмотреть лицо своего ребенка. Но тело его все еще оставалось внутри меня, а я оказалась не такой гибкой, как хотелось надеяться. Пришлось поверить Апи на слово.

Кстати, оказывается, в родах в ванне есть небольшой нюанс. Ребенок может довольно долго находиться под водой и не делать первого вдоха. Только когда его вынимают из воды, атмосферное давление вталкивает воздух ему в легкие. Между той схваткой, что выпустила наружу головку моего сына (мерзость!), и той, что явила миру оставшуюся его часть, прошла целая минута, и всю ее ребенок провел под водой. И зря я орала от страха, думая, что он тонет. На самом деле все было хорошо.

Когда малыш наконец выскочил из меня целиком, я поймала его на руки, прижала к груди, попутно размотав обвившуюся вокруг ноги пуповину, и никогда уже больше не отпустила.

Мы назвали его Лу.

Сейчас у меня два чудесных мальчика, Лу и Бадди. И они, безусловно, самое лучшее, что случилось со мной в жизни. Если, конечно, не считать того дня, когда я увидела на улице Спорти Спайс из Spice Girls.

## **Глава, в которой моими воображаемыми (нет) друзьями детства стали стимуляторы**

Я РОДИЛАСЬ В НЕБОЛЬШОЙ семье. Нас было всего четверо – мама Кэт, папа Нэв, старшая сестра Оливия и я.

Мои родители – та еще парочка. Мама – настоящий порох, вспыхивает за секунду, а папа обожает ее подзуживать – любя, конечно. Мамина творческая энергия бьет ключом: она трижды открывала студии дизайна интерьеров, и все три раза успешно. А в шестьдесят два создала собственную марку свечей из соевого воска. И теперь ее «Пламенеющие Свечи» продаются в магазинах по всей стране. Папа – самый изобретательный и рукастый человек на свете. У него отличное чувство юмора, бездна терпения, а еще он может починить все что угодно. Ко всему прочему, мои родители выстроили два дома – мама разрабатывала проекты, а папа воплощал их в жизнь, – воспитали двух дочерей и потратили уйму сил на то, чтобы придумать своим домашним питомцам оригинальные клички. Будто бы они бездетная печальная пара, для которой зверушки – единственная отдушина. Когда родилась я, у родителей был австралийский шелковистый терьер по имени Фибби Жозефина. Потом у нас появился шнауцер Люсинда Мэй, за ней – еще один шелковистый терьер, Бронте Изабелла. Сейчас у мамы снова шнауцер Кlover Ли, с которым она обращается так, будто он непризнанный обществом вундеркинд.

Нам с Лив досталось счастливое детство, мы ни в чем не знали нужды. У нас были собственные комнаты и вдоволь еды. А когда от нас становилось слишком много шума и родители отсылали нас погулять, в нашем распоряжении оказывался огромный двор, где можно было вволю швыряться друг в друга палками без риска попасть в цель.

Дела в школе у меня не слишком ладились. Ну, просто это не мое. Зато я отлично научилась притворяться, будто впала в глубокую кому. КАЖДОЕ. ЧЕРТОВО. УТРО. Папа являлся ко мне в комнату в 6.55 и обнаруживал, что я лежу в кровати, крепко зажмурившись, неподвижная, как бревно – ведь именно так обычно ведут себя пациенты в коме? Все это я проделывала для того, чтобы меня не заставляли идти в школу.

От одной мысли о ней мне становилось дурно. С оценками у меня была беда, на уроках трудно было сосредоточиться, я очень быстро начинала скучать и готова была заниматься чем угодно, лишь бы не сидеть смиренно. Впоследствии выяснилось, что у меня синдром дефицита внимания, а частная католическая школа на северном побережье Нового Южного Уэльса просто была не самой благодатной почвой для ребенка с такими «симптомами».

Я люблю смешить людей, мне все равно, над чем они смеются – над моими шутками или надо мной самой. Лишь бы смеялись – и я буду счастлива. Конечно же, в школе для своих одноклассников я мгновенно стала лучшей отмазкой, чтобы пострадать фигней вместо урока, а для учителей – козлом отпущения, на которого всегда можно свалить ответственность за плохую дисциплину в классе.

Я ненавидела математику, английский, физкультуру – да что там, любой предмет, во время изучения которого не нужно было брать в руки микрофон. Но хуже всего дело обстояло с физикой.

Перед началом урока весь класс должен был выстроиться рядком перед кабинетом. Рюкзаки заносить внутрь не разрешалось, и вот мы, вытащив нужные книжки, становились гуськом. А наша учительница, миссис Физика, стоя в дверях, оценивала, аккуратный ли получился строй. Если ее все устраивало, она разрешала нам войти и пристально разглядывала каждого, кто просачивался в кабинет мимо нее.

Я всегда вставала в конце линии, поближе к моим невольным сообщникам Дугу и Шону. Оба они обычно заранее готовились к построению. Особенно Шон. Он вообще был умнейшим

парнем, и мы с Дугом частенько беззлобно подтрунивали над ним, чтобы немного поднять себе самооценку.

В день, когда все это началось, я, как обычно, выступила в амплу последней растяпы. Кажется, я попросила одноклассницу, которая и без того на меня злилась, одолжить мне карандаш, и прослушала, что говорила учительница. Строй медленно потянулся в кабинет, но, когда я поравнялась с миссис Физикой, она внезапно вскинула вверх руку. Я было подумала, что она хочет дать мне «пять» или, может, помахать в знак приветствия, но быстро сообразила, что дело не в этом. Это она меня так «воспитывала».

– Тебе придется подождать снаружи, Селеста, – сказала она, не глядя мне в глаза.

– Но почему? – не поняла я.

– Обойдемся сегодня без отвлекающих факторов, – с этими словами она захлопнула дверь перед моим носом.

Всем остальным, включая Шона и Дуга, в класс войти позволили, я же смотрела им вслед тем взглядом, каким Роуз в финале «Титаника» провожает отцепившегося от двери и исчезающего в бездне океана Джека.

Мне было ужасно стыдно. Но поскольку с того дня учительница взяла за правило поступать со мной именно так, вскоре я придумала, как справиться со смущением.

Отвлекающий фактор? Серьезно? То есть она полагала, что, если оставить меня в коридоре, за стеклянной стеной, через которую меня ВСЕМ отлично видно, да еще и наедине с сумками одноклассников, я перестану быть отвлекающим фактором? Видимо, не все физики одинаково умны...

Выставить будущего комика из класса, когда он еще и мешать никому не начал, – это все равно что выдать Биллу Косби<sup>6</sup> запас транквилизаторов и ключи от номера люкс в отеле «Плаза». Я вставала так, чтобы ничто не скрывало меня от Шона и Дуга, и шоу начиналось.

Пускай представления давались экспромтом, у меня всегда было наготове несколько убойных приколов. Для разогрева публики я использовала номера «падающий лифт» и «некто невидимый уволокивает меня с глаз долой», и в классе начинали хихикать. Затем я делала вид, будто отбиваюсь от напавшей на меня пчелы, и зрители приходили в восторг. Когда миссис Физика отворачивалась, я, беззвучно шевеля губами, задавала одноклассникам вопросы, а получив ответ, так же одними губами отвечала: «Не слышу!» Тут уж все просто покатывались со смеху.

Но гвоздем программы становилось мое стремительное исчезновение. Миссис Физика оборачивалась, чтобы понять, что так насмешило класс, а я, как подкошенная, падала на пол и пряталась в куче брошенных в коридоре рюкзаков. А заодно съедала найденную в них еду – это было моей наградой за выступление.

Я не была хулиганкой, для этого мне не хватало смелости. Я просто была шумной – шумной и смешной, – а большинству учителей это не нравилось. Но лично я считала, что со мной все о'кей. Скажу больше, впоследствии мне эти мои особенности даже помогли. Помогли стать еще более смешной, сильной и негнибаемой леди.

Когда мне поставили диагноз СДВ (а может, СДВГ, я прослушала), это было лучшее, что могло произойти со мной в жизни. Не считая того случая, когда мне удалось достать билеты на концерт мирового турне Джанет Джексон Velvet Rope в 1998 году. (Все говорят, что лучшим ее альбомом был Rhythm Nation, но верьте мне, Velvet Rope куда круче. В нем есть все: отвязные ритмы, проникновенные баллады, а вокал так обработан автотюном<sup>7</sup>, что кажется, будто поет не женщина-натуралка, а мужчина-гей.)

---

<sup>6</sup> Билл Косби – американский актер, режиссер, продюсер, сценарист. Был замешан в скандале о сексуальных домогательствах (прим. переводчика).

<sup>7</sup> Автотюн – компьютерная программа, которой в студиях звукозаписи обрабатывают голос вокалиста (прим. переводчика).

Намерения у меня всегда были самые благие. Я честно хотела стать прилежной ученицей. Родители обставили нам с сестрой комнату для занятий, и вот я садилась за стол и доставала из рюкзака учебники и ручки. И придвигала поближе калькулятор. Я даже расписание уроков составляла и раскрашивала его цветными фломастерами. Математика – красным, актерское мастерство – розовым, все остальное – как придется. Расписание я вешала на стену, прямо над письменным столом.

Я ставила рядом с собой стакан воды комнатной температуры, на случай, если захочется пить, брала ручку, заносила ее над тетрадкой и... тут-то все и заканчивалось. Потому что меня обязательно что-нибудь отвлекало. За окном пробежала собака, мама чихала в соседней комнате, происходило еще что-нибудь – и мое внимание мгновенно переключалось, а уроки вылетали из головы. Все это, друзья мои, называется «классические признаки СДВ». Я правда очень хотела стать усидчивой и старательной. Я даже радостно скупала канцтовары и письменные принадлежности. Но. Это. Просто. Было. Выше. Моих. Сил.

Когда мне исполнилось шестнадцать, мама с папой решили отвести меня к специалисту и выяснить, чем мне можно помочь. Несмотря на то что у меня уже выросли сиськи и месячные шли больше двух лет, мне все еще полагалось ходить к педиатру. В приемной у доктора было полно игрушек и книжек про щенка Спота. А на стенах висели плакаты с изображениями букв и предметов, названия которых с этих букв начинаются: А – арбуз, Б – бык и т. д.

Я разглядывала алфавит, радуясь возможности отвлечься от стоявшего в приемной запаха лекарств. И до поры до времени все было понятно: К – кот, Л – лев. Но потом я дошла до буквы Я. Рядом с ней была нарисована небольшая лодка. Голубая с белым. Слово под картинкой начиналось с буквы Я, но я никак не могла разобраться, что же это за лодка так странно называется. Тогда я обернулась к папе и спросила:

– Что такое «Яд-Ха»?

Администратор уставилась на нас из-за своего стола, и на лице ее проступило выражение: «Боже праведный, непросто вам, папаша, приходится с такой сложной девочкой». У отца же от смеха слезы выступили на глазах.

– Там написано «яхта», – сказал он.

– А почему же это так трудно прочитать?

– Хороший вопрос, Принцесса. Понятия не имею.

Мой папа – самый преданный мой фанат. То есть он на втором месте после мамы, а та идет сразу за сестрой.

Если бы доктор подслушал этот разговор, мои родители смогли бы неплохо сэкономить на плате за консультацию. Он бы выписал мне лекарства тут же, в приемной, и я без промедлений отправилась бы в светлое будущее с сэндвичем из стимуляторов вприкуску.

Войдя в кабинет, мы с родителями расселись на выставленных в рядок стульях. Я выбрала тот, что стоял ближе всего к докторскому столу, ведь это я тут была гвоздем программы. На этом самом месте я и узнала, что СДВ – вещь наследственная и чаще всего передается детям от отца.

Срань господня, тут-то все и встало на свои места! Ведь мы с папой были абсолютно одинаковыми! Мне стало интересно, расстроила ли его эта новость. Я обернулась, обнаружила, что отец увлеченно следит за мухой, застрявшей между стеклом и москитной сеткой, и поняла, что такая наследница, как я, должна вполне его устраивать.

Говорила в основном мама, мне же задавали кучу вопросов. А я, несмотря на то что была уже взрослой шестнадцатилетней девицей, все еще оглядывалась на маму, прежде чем ответить.

Вопросы следовали один за другим.

*В: Тебе бывает сложно сосредоточиться?*

*О: А? Повторите, пожалуйста, вопрос, я прослушала.*

*В: Тебе трудно читать, писать и проговаривать слова по буквам?*

*О: Ни асобина.*

*В: Можно ли сказать, что у тебя нарушена концентрация внимания и ты часто отвлекаешься?*

*О: Бывает иногда, но... Ой, видели, видели, с вашего свитера только что ворсинка на пол упала?!*

*В: У тебя бывают проблемы в школе из-за того, что ты медленно включаешься в работу и никогда ничего не доводишь до конца?*

*О: Мне надоело отвечать.*

Потом врач попросил меня подождать в коридоре, пока они с родителями обсудят, какие шаги предпринять, чтобы «добиться прогресса». По-моему, он просто хотел посмотреть, какие лекарства у него есть в запасе, ведь уже ясно было, что мне без них никуда.

Я вернулась в приемную, полную пятилеток, называвших меня «леди». Произошедшее не особенно меня беспокоило. Дверь в кабинет врач не закрыл. Думаю, он хотел показаться классным доктором современных взглядов, из тех, что охотно идут навстречу пациенту и с удовольствием прописывают страдающим лишним весом дальнобойщикам стимуляторы, от которых те могут не спать по двое суток. Ну а мне было отлично слышно все, что происходило в кабинете.

*Мама: Мы не хотим ее менять.*

*Врач: Это лекарство не изменит ее, оно ей поможет.*

*Мама: Это хорошо. Пускай она шумная и непоседливая, но мы ее такой и любим. Ее характер нас вполне устраивает. Проблема в том, что ей бывает трудно сосредоточиться.*

*Папа: Как думаете, давно эта муха там сидит?*

*Врач: Стимуляторы для СДВГ никак не повлияют на ее личность, они только помогут ей концентрироваться.*

*Мама: О'кей, прекрасно. Я просто хочу, чтобы ей проще было учиться.*

*Папа: Как, по-вашему, у мух бывают семьи? Может, близкие этой мухи беспокоятся за нее?*

*Мама: Нэвилл!*

*Папа: Прошу прощения.*

*Мама: Мы согласимся на это лечение, только если таблетки помогут ей жить в мире с собой.*

*Врач: Я уверен, что в случае Селесты это лучшее решение. И эффект от лекарства будет только положительный.*

*Мама: Отлично. Мы согласны.*

*Папа: Что-то есть хочется.*

Я никогда не забуду этот разговор. Как же мне, шумной непоседливой девочке средненькой внешности, важно было узнать, что маме больше всего на свете хочется, чтобы я оставалась собой. О том, как сложилась судьба той мухи, я тоже порой задумываюсь.

Когда мы вернулись домой, я сразу же приняла таблетки. И они оказались такими чудесными, такими замечательными. Подействовали молниеносно, а ведь этого и ждешь от перво-классного средства. Я села на диван, открыла брошюру «Жизнь с СДВ» и вслух прочитала родителям первый абзац. Там говорилось что-то вроде:

*В детском возрасте симптомы СДВГ включают в себя импульсивность, гиперактивность (ребенок просто не может усидеть на месте), неспособность сосредоточиться на неотложных делах и следовать инструкциям. Дети, страдающие этим заболеванием, с трудом завязывают и поддерживают дружеские связи, а также часто получают замечания от учителей за плохое поведение. Может сложиться впечатление, что такие ребята намеренно игнорируют общепринятые нормы: они постоянно перебивают собеседника и вмешиваются в чужие разговоры.*

Затем я подняла глаза и увидела, что мама и папа плачут. Наверное, это был важный для них момент: живое подтверждение того, что они приняли верное решение, и результат не заставил себя долго ждать.

«Поверить не могу, что ты прочитала такой длинный абзац. Раньше тебе никогда не хватало усидчивости, чтобы прочесть хоть что-нибудь», – пробормотала мама сквозь слезы. Оказывается, пробежать глазами первую и последнюю страницы «Клуба нянюшек» не означало по-настоящему прочесть книгу. Пфф, дурацкие формальности!

Каждый год мы вместе с компанией друзей ходили в поход. Собиралось обычно шесть семей, более или менее знакомых друг с другом. В одной из них и мать, и отец были школьными учителями. Люди они были строгие и, по-моему, не слишком любили детей. И, в общем, их можно понять. Дети могут быть теми еще паршивцами, особенно если в классе их много и все они тебя ненавидят.

В последний раз мы отправились в поход незадолго до того, как мне поставили диагноз. (По-моему, отличное название для блокбастера: «Смотрите этим летом. «Диагноз». В главных ролях Селеста Барбер и Вайнона Райдер».) Весь отпуск я вела себя как настоящая засранка, и мои несчастные родители были на пределе.

Однажды моя мама поделилась с мамой-учительницей: «Знаете, мы хотим сводить Селесту к специалисту, проверить, нет ли у нее СДВ. Может, ей какие-нибудь таблетки пропишут и станет полегче».

На что мать-учительница прошипела сквозь зубы, предварительно оглядевшись по сторонам и удостоверившись, что никто больше ее не слышит: «Отдайте ее мне на полгода, и всю эту дурь я из нее выбью». Мамино сердце было разбито. Оказалось, что не только дети могут вести себя как засранцы, порой в походах это удается и матерям-учительницам.

Как только по моим алчущим венам начал струиться сладчайший препарат, жизнь стала НАМНОГО проще. Теперь у меня получалось сидеть смирно и не отвлекаться от учебы. Я принимала по полторы таблетки три раза в день, и мне это охрененно нравилось. Я начинала фаршировать себя пилюлями в 7.30, за завтраком. В 11.30, одновременно со звонком на большую перемену, наступало второе действие. А когда уроки заканчивались, я, спеша на автобусную остановку, задерживалась возле фонтанчика с питьевой водой и глотала последнюю дозу. И дело в шляпе: я первый ученик среди ребят!

Эти стимуляторы чудовищно подавляют аппетит. Есть мне никогда не хотелось. Мой физический вес стремительно таял, зато общественный, определявшийся мнением других шестнадцатилетних девочек, стремительно рос. (Грустный смайл.)

На завтрак я выпивала стакан шоколадного молока и съедала Вертушку С Сыром. (Все, кому не посчастливилось родиться в Австралии, нужно срочно подсесть на Вертушки С Сыром. Это такие булочки, начиненные сыром и пастой «Веджимейт». Вертушка С Сыром, запитая стаканом теплого шоколадного молока, – лучшее средство от всех невзгод.) Я уже говорила, что вкусы у меня как у семилетки?

Вместо обеда у меня был фруктовый лед «Зупер Дупер», и больше я не вспоминала о еде до вечера. А за ужином съедала то, что маме удавалось в меня впихнуть.

\* \* \*

Эти стимуляторы просто спасли мне жизнь. И все же я не сказала о том, что мне их прописали, никому из друзей. В курсе был только один из учителей. У меня он ничего не преподавал, просто был одним из кураторов нашего класса. А человеку, с которым мы никогда не пересекались, сообщить о назначенном лечении было не так страшно. Но я совершенно точно не хотела, чтобы одноклассники считали меня больной. Не такой, как все, – пожалуйста, люблю, когда люди так думают, но больной – ни за что. От одной мысли, что кто-то может узнать о моем диагнозе, не говоря уж о том, что меня из-за него посадили на таблетки, меня охватывал ужас. Помню, как-то раз мне показалось, что я все же не утаила шила в мешке. Случилось это, когда один странноватый на вид парень, с которым мы дружили, признался, что я ему нравлюсь. Я в ответ отпустила какую-то сальную шуточку, чтобы не объяснять, мучаясь от неловкости, что не питаю к нему ответных чувств. И это так его выбесило, что он внезапно завопил на всю округу на мотив знаменитой песни Jackson Five: «Эй Би Си, у Селесты Сэ Ди Ви». И все это прямо посреди школы, на глазах у мальчишек-серферов, которые тут же решили, что это обалдеть как смешно. Правда, над моей сальной шуточкой они тоже смеялись, так что, в общем, счет был один-один. После выяснилось, что о моем диагнозе он понятия не имел, просто повел себя как придурок. Я в целом не против, когда меня поддразнивают, но не когда мне тычут в нос «проблемами с учебой», о которых вся школа в курсе. Держать все в тайне было ужасно непросто, и я решила обратить диагноз в свою секретную суперсилу. Как всякий супергерой, днем (в моем случае – без таблеток) я была просто шумной, неуклюжей, острой на язык, нахальной и упрямой девчонкой, зато ночью (в моем случае – на таблетках) я становилась шумной, неуклюжей, острой на язык, нахальной и упрямой девчонкой, способной сосредоточиться на чем-то дольше, чем на 0,05 секунды. Эй, «Нетфликс», как тебе такой сюжет?

Недавно учителя сына одной моей подруги посоветовали ей подумать, не стоит ли ее мальчику начать принимать те же таблетки. Она пришла в ужас. И когда рассказала об этом мне, первый вопрос, который я ей задала, был: «А в походы эти учителя ходить любят? А детей они, случайно, не ненавидят?» Она заверила меня, что все не так, и тогда я сказала, что в семь лет, как по мне, назначать ребенку медикаментозную коррекцию поведения слишком рано. Да ведь детям даже пятиминутную серию «Свинки Пеппы» трудно высидеть (и не только детям, кстати!), что уж там говорить о том, чтобы шесть часов кряду слушать, как учитель вещает о буквах и цифрах. Конечно, им станет скучно. Боже, это же дети! (Как сказал бы Ру Пол<sup>8</sup>.) Я сама толком не знаю, как относиться к тому, что мне поставили диагноз так поздно. С одной стороны, если бы меня сводили к врачу раньше, мне было бы гораздо проще учиться. С другой – если бы таблетки мне прописали еще в семь, думаю, я бы не выросла такой нестигаемой. А мне на жизненном пути это свойство очень пригодилось. (Да, мои милые знойные книголюбы, это еще один крючок, чтобы заставить вас дочитать мою книгу до конца.) Если бы меня пичкали лекарствами с детства, я бы считала, что это обычное дело, что все дети принимают таблетки или еще какие-нибудь стимулирующие штуки, которые «помогают им учиться». Но поскольку меня начали лечить позже, чем это считается «нормальным», я успела понять, что я – не нормальная, я чуточку не такая, как все, а быть не такой, как все, – интересно. Даже круто!<sup>9</sup> Стимуляторы не решили всех моих проблем. Мама зря боялась, что таблетки изме-

---

<sup>8</sup> Ру Пол – американский актер, дрэг-квин и телеведущий. Является продюсером и ведущим телепередачи «Королевские Гонки Ру Пола» (прим. переводчика).

<sup>9</sup> Риталин вошел в мою жизнь, когда мне было шестнадцать, потому что родители дали мне возможность до этого возраста побыть ребенком. Да, в школе было хреново, но у меня было целых шестнадцать лет на то, чтобы научиться с этим справляться. Пичкать детей лекарствами из-за того, что они неусидчивы, порой шалят и огрызаются учителям, – опасно. Не отнимайте у детей детство, дайте им время побеситься вволю.

нят мою личность. Я по-прежнему оставалась выскочкой и язвой, но теперь, по крайней мере, могла выслушать до конца то, что мне говорят, прежде чем вставить остроту в ответ.

Я думала, что, как только окончу школу, все мои проблемы останутся в прошлом. Ну разве что бабуля будет по-прежнему пилить меня за плохое поведение. Но я ошиблась: как выяснилось, я и во взрослой жизни вечно попадаю в неприятности. Они как будто сами ко мне липнут – нет, на меня не нападают в темном переулке, и драгдилеры мне не докучают, но если должна случиться какая-нибудь хрень, она обязательно случится со мной. И если выдается случай прилюдно выставить себя полной идиоткой, то я непременно им воспользуюсь. Что поделать, я еще в детстве поняла, что окружающие либо обожают меня, либо ненавидят. И моей заслуги в этом нет, оно как-то само.

\* \* \*

В двадцать с небольшим я начала принимать антидепрессанты. Точно не помню, как так вышло. Кажется, все дело было в том, что я только что окончила Театральную школу, сильно из-за этого переживала и решила, что медикаментозная поддержка мне не помешает. Помню, впервые выпив одновременно стимуляторы и антидепрессанты, я почувствовала себя странно. Не в каком-нибудь там метафизическом смысле, нет – меня реально охватило чертовски странное состояние. Меня то и дело накрывали приступы беспочвенной тревоги. А любая мысль, на которой я пыталась сосредоточиться, приводила лишь к тому, что я принималась в истерике распекать себя на все лады.

К тому моменту мы с Апи встречались уже около шести месяцев. И вот однажды мы с ним гламурно завтракали в гламурном кафе в Сиднее, и вдруг у меня случилась паническая атака. Ощущение было такое, будто яйца пашот объявили мне войну, а дорогущий кофе давит на грудь, словно на ней расселась беременная свинья. Я не могла ни вдохнуть, ни заговорить. Апи не растерялся. Он отвез меня домой, сунул мне в рот сосалку (леденец, а не то, что вы подумали) и до конца дня старался не смотреть мне прямо в глаза. Так и выяснилось, что коктейль из антидепрессантов и стимуляторов мне не слишком подходит. Моя психотерапевт в тот момент как раз улетела в Мексику на встречу со своим психотерапевтом. И потому я записалась на прием в клинику, которая находилась по соседству с приютом для животных, решив, что ей не страшно будет доверить мою жизнь. Я рассказала тамошнему мозгоправу о своих странных ощущениях и спросила, что означает слово «метафизически», а он, выслушав меня, заключил, что у меня нет и намека на депрессию и что он рекомендовал бы мне бросить таблетки и посмотреть, что получится. Я послушалась, и оказалось, что слезать с антидепрессантов – это все равно что пытаться палкой затолкать на гору кучу дерьма. В смысле, отвратительно и местами очень трудно. Не так давно я выяснила, что только идиот может попытаться двадцать лет спустя вернуться к тому, что делал в юности, и ожидать тех же впечатлений. Несколько лет я продержалась без лекарств. Но потом умер мой близкий друг, и моя вселенная перевернулась. Я поняла, что без антидепрессантов мне не справиться, и с тех пор снова их принимаю. Потом началась подготовка к турне по Америке, на меня навалилась тонна дел, которые я никак не могла разгрести, я снова почувствовала себя Последней Растяпой и задумалась, не подсесть ли мне снова на стимуляторы. Я спросила у врача, помогает ли мой препарат взрослым и можно ли им принимать его одновременно с антидепрессантами или в зрелом возрасте подружить эти таблетки тоже не удастся. Доктор ответил, что не советовал бы мне смешивать эти вещества. И тогда я решила бросить антидепрессанты, чтобы ничто не мешало мне вернуться к стимуляторам и тем волшебным ощущениям, которые он дарил мне в подростковом возрасте.

Но ничего не вышло – да-да, я сама в шоке. Оказывается, слезать с антидепрессантов в тот момент, когда ты готовишься к турне по Америке, воспитываешь двух малолетних сыновей, помогаешь одной из падчериц подросткового возраста съехать из родительского дома, а

второй – въехать в него обратно, пишешь книгу, пытаешься пережить смерть друзей и даешь интервью, – это самая раступейшая тупость из всех тупостей мира. А я-то думала, что держу все под контролем и выдуваю по бутылке вина каждый вечер просто для удовольствия, а не в попытке подлечить нервишки. Я рассказала другу о том, что надеюсь вернуть в свою жизнь стимуляторы, а антидепрессанты выкинуть на помойку, а он в ответ очень вежливо и деликатно напомнил мне, что я хороша такой, какая есть. И пускай я последняя растяпа, все, кто по-настоящему меня любит и ценит, давно приняли этот факт. И мне стоит последовать их примеру, а не пытаться перевернуть саму себя с ног на голову.

Что ж, этим я теперь и занимаюсь. Принимаю себя такой, какая я есть, и стараюсь сама с собой сладить.

## Глава о папе

Я НИКОГДА НЕ СПРАШИВАЛА отца, хотел бы он, чтобы ему поставили официальный диагноз и прописали лечение, потому что, как мне кажется, я знаю, что бы он мне ответил. «Да мне и так неплохо, Принцесса. Если уж я столько лет прожил, не принимая никаких таблеток, с чего бы теперь начинать?» Отлично сказано, Нэвилл, отлично сказано.

Папу любят все на свете, и каждый стремится стать Нэвиллу Барберу лучшим другом. Даже ласковое прозвище у него – Няшка. Если папе не удастся вас рассмешить, он будет смеяться над тем, что вам не смешно.

Вот три основных факта, которые нужно знать о моем отце.

### *1. Он Не Делится Едой.*

*Папа: Хочешь, я куплю тебе такую же?*

*Я: Нет, пап, мне бы только кусочек.*

*Папа: Вот от своей кусочек и откусишь.*

*Я: Но я не хочу целую лазанью, я только попробовать...*

*Папа: Ну а я хочу целую лазанью, поэтому я ее себе и купил.*

*Я: Серьезно? Ты со мной не поделишься?*

*Папа: Ни за что.*

И тут он начинает возводить вокруг своей тарелки крепостную стену из солонки, перцев, стаканов и бутылочек с соусом, нож при этом из рук тоже не выпускает – чтобы начать отбиваться, если что.

### *2. Он Обожает Анекдоты С Бородой.*

Вот вам типичный каламбур от Нэвилла Барбера:

*Входит кузнецик в бар, а бармен ему и говорит: «Оу, мы подаем коктейль, который назван в твою честь». А кузнецик отвечает: «Серьезно? У вас есть коктейль “Эрик”?»*

Охрененная шутка, правда? Но вся соль тут даже не в юморе, а в том, какой кайф папа получает, когда шутит. Складывается впечатление, что его основная задача не рассмешить тебя, а довести до белого каления – по крайней мере, нам с сестрой всегда так кажется. Если папа считает, что шутка удалась, он будет повторять ее снова и снова, нарушая первое правило хорошего комика: «Не держи зрителей за идиотов».

*«Дошло? Кузничика звали Эрик!»*

*«Да, пап, мы поняли».*

*«Но бармен-то имел в виду коктейль, который называется “Кузничик”».*

*«Ага, пап, точно».*

*«Но он не учел, что у кузничика еще и имя может быть».*

*«ПАП!!! БЛИН!!!»*

И у нас есть победитель!

Очко в пользу Нэвилла, ноль очков в пользу девочек Барбер.

### *3. Он Всегда Собирается Раньше Всех, ВСЕГДА.*

Во времена моего детства, если мама говорила, что выйти из дома нужно будет в шесть, в пять сорок пять отец уже сидел на диване. Машина к этому времени стояла перед домом, мотор в ней работал, кондиционер был включен, в багажнике лежала сумка-холодильник, а в ней – запас лимонной и лаймовой газировки, тоника и бутылочка хорошего белого вина для мамы<sup>10</sup>. Он терпеливо ждал, пока мама выберет, какими духами из всех, что он подарил ей за годы брака, надушиться, а мы с Оливией разберемся, какая из двух одинаковых юбок-варенок с заниженной талией моя, а какая – ее.

В шесть ноль пять, когда мы наконец спускались в гостиную, папа всегда встречал нас комплиментами. «Отлично выглядишь, дорогая», – говорил он маме. «Девочки, вы красавицы», – сообщал он нам с сестрой. Потом мы все вместе садились в машину, воздух внутри которой успевал уже остыть до комфортной температуры, и уезжали.

Папа надежен как скала. Он всегда готов прийти на помощь. А также порадовать тебя очередной идиотской шуткой. Выслушав ее, ты закатишь глаза, он же, извинившись, убежит в туалет и оттуда отправит тебе ее на мобильный в виде голосового сообщения, чтобы после ты могла поделиться ею с друзьями в пабе.

Папа был единственным ребенком в семье и всю свою юность, с рождения до того дня, как съехался с мамой, прожил в одном и том же доме. У его родителей была молочная ферма. В семь утра к ним заезжал развозчик – забрать молоко на продажу и папу, которого нужно было подбросить до школы. Школа была такая маленькая, что временами бабушке Рите звонил сам директор и спрашивал, ждать ли папу сегодня. А то никого больше не будет и он не знает, стоит ли вообще открываться. Это когда папе было четыре.

А когда он немного подрос, то начал ездить в школу сам – на велосипеде по проселочной дороге. Он возвращался из школы в пятницу вечером и до самого понедельника, до начала новой учебной недели, не видел ни одного человека, кроме своих родителей. Если мимо фермы проезжал автомобиль, вся семья выскакивала на балкон, чтобы не пропустить такое огромное событие. Но папа всегда находил чем заняться, не устраивал истерик и не жаловался.

Папин отец, Харольд, был человеком старой закалки, суровым и не привыкшим давать волю эмоциям. Зато с бабулей Ритой папа отлично ладил. И позже, когда познакомил ее с моей мамой, бабушка приняла ее как дочь, о которой всегда мечтала.

Папа был очень близок со своей матерью. Рита всегда хотела иметь еще детей, но Харольд был против, а в те времена это решало все. Думаю, папа СЧАСТЛИВ был бы иметь брата или сестру, но он никогда вам об этом не расскажет. Потому что это означало бы, что он жалуется на судьбу, а Нэвилл Барбер таким не занимается. Он доволен своей жизнью, благодарен за все, что она ему дала, и не замахивается на большее. К тому же он ненавидит сидеть без дела и надоедать людям жалобами, он всегда чем-нибудь занят.

Сейчас папа служит разнорабочим в небольшой клинике на Золотом побережье. В 1996-м он нанялся туда на неделю, чтобы выполнить разовый заказ, и так хорошо себя зарекомендовал, что с тех пор начальство вот уже много лет продолжает изобретать для него все новые и новые задания.

На работе все так любят папу, что, когда ему самому потребовалась госпитализация (он оказался в больнице второй раз в жизни, первый был – когда он рождался на свет), его поместили в палату люкс, а медсестры, у которых в тот день был выходной, специально приезжали в клинику узнать, все ли у него в порядке. (Папа жаловался на тяжесть за грудиной, чем страшно всех напугал. Потом, правда, выяснилось, что виной всему были газы. Вот вам

---

<sup>10</sup> Няшка не пьет и никогда не пил. Исключением стала только поездка на Бали в честь моей свадьбы. За два дня до Большого События мы все отдыхали у бассейна, и я открыла бутылку очищенной золотом водки, которую подарили жениху моя сестра с мужем. Папа попросил налить ему рюмочку, и все решили, что тут-то веселье и начнется. Но он выпил одну, за ней вторую, заполировал все это чашкой чая, отправился к себе в номер и проспал три часа. Что ж, как и было сказано, Няшка не пьет.

типичный Нэвилл.) Мама, которая из-за слабых легких то и дело угождает в больницу, может рассчитывать разве что на букетик цветов, зато папу встречают с фанфарами, даже если он пришел всего лишь сдать кровь на анализ.

Я съехала из родительского дома в 17, и тогда папа стал писать мне напутствия на обратной стороне визитных карточек. И каждый раз, когда я навещала в гости к родителям или когда они заезжали меня навестить, у него наготове была очередная визитка. А на ней – несколько слов о том, как он любит меня и поддерживает во всем. Теперь вместо визиток папа пишет мне записки на обратной стороне официальных отзывов и рецензий.

*Селеста!*

*Только что прочел письмо от твоего литературного редактора.*

*Какая же ты у нас талантливая.*

*Никогда не перестанешь удивлять нас с мамой.*

*Вот и еще одно подтверждение твоей гениальности.*

*Люблю.*

*Папа ХХХ.*

## Глава, в которой я танцевала до упаду

В ДЕТСТВЕ Я ЗАНИМАЛАСЬ танцами, не просто танцами, а *танцами* (раскланивается и щелкает пальцами над головой). Я танцевала на фестивалях и школьных ярмарках, в торговых центрах и на конференциях, на Экке (ежегодном Королевском Шоу в Квинсленде), на финалах футбольных турниров, в душе, в душе у бабушки, а разреши вы мне, я бы и в *вашем* душе станцевала тоже.

Я считала себя уникальным средством три-в-одном, ведь я могла Танцевать, Танцевать и ТАНЦЕВАТЬ. И обожала это занятие.

Мама рассказывала, что танцевать я научилась раньше, чем ходить, но, как я уже не раз говорила, мама всегда слегка преувеличивает. Это, однако, не мешало мне повторять ее слова всем, кто готов был слушать, а особенно – грезящим танцами ребятам из студии. Слышали, наверное, как двенадцатилетки хвастаются друг перед другом своими выдающимися способностями, обширным опытом и непревзойденным упорством?

– Я знаю танцевальные движения из ВСЕХ клипов Spice Girls, даже из «Viva Forever», – сказала Джули как-то раз, когда мы забежали в «Макдак» во время перерыва.

– Ну а *меня*, – вмешалась Элиза, – старшая сестра обучила *всем* па из танца выпускной группы. Она сказала, у меня *так* хорошо получается, что если кто-нибудь из выпускниц не сможет участвовать в отчетном концерте в конце года, мне позволят ее *подменить*.

Я окинула девчонок высокомерным взглядом, прекрасно зная, что все их наивное хвастовство сейчас померкнет по сравнению с тем, что скажу я.

– Что ж, а я научилась танцевать раньше, чем ходить.

Пауза. Тишина. Ноль реакции.

– Ааа еще у меня дядя пожарник.

Тут они улыбнулись. ТАК-ТО! Я знала, что смогу их сразить.

Я занималась в «Школе талантов Джонни Янга» (ШТДЯ) на Золотом побережье. Вернее, когда я только поступила в эту студию, она называлась «Танцевальная школа Колин Фицджеральд». Но потом мисс Колин вышла замуж за мистера Лэнса из ШТДЯ, и они объединили бренды.

Врать не буду, поначалу с этим слиянием было трудно смириться. Но когда мы поняли, какие шикарные возможности оно перед нами открывает – например, выступать на сцене казино «Юпитер» на Золотом побережье, а все потому, что мы теперь официально считались ТАНЦОРАМИ ИЗ «ШКОЛЫ ТАЛАНТОВ ДЖОННИ ЯНГА» (произносится торжественно и нараспев), – мы тут же забили на щепетильность.

Мне было пятнадцать, когда мы с ребятами из студии впервые на две недели отправились в другой штат, в Дарвин, где должны были выступать в торговых центрах. Одни – как танцоры, другие – как ведущие, а третьи – как актеры костюмированного шоу. (Видели, наверное, меховых гигантов, что в дни школьных каникул расхаживают по моллам, пугая детишек до усрачки? Так вот, представьте себе, там внутри находятся люди, а не только мрак и ужас.) Мне в Дарвине посчастливилось выступать в роли кролика, ежика Соника и одного из членов семейки Симпсон – хотелось бы мне сказать, что я играла Мардж, но нет, меня одели в костюм Мэгги. Дело было в сентябре, и уже к 8 утра температура воздуха достигала 37 градусов. За неделю я похудела вдвое, хотя и питалась все это время лапшой быстрого приготовления, съедая по 45 пачек в день. Жили мы в гостинице и, проснувшись, первым делом выбегали на балкон, так как кто-то сказал нам, что «утреннее солнце дает самый устойчивый загар». Больше меня в такие поездки не отпускали – маме не понравилось, что спустя две недели я вернулась домой с торчащими ребрами и зависимостью от глутамата натрия.

Дом наш стоял поблизости от пляжа, взрастившего лучших серферов мира, но для меня в этом не было никакого проку. Я не ходила по выходным заниматься в клуб юных серферов, как делали все мои сверстники, потому что по субботам у меня были уроки танцев. **ТАНЦЫ, ТАНЦЫ ДО УПАДУ!!!** Мама привозила меня в студию к 9 утра, а домой мы ехали с Джеймсом Корденем на его машине, распевая любимые хиты Spice Girls. Если же Джеймс был занят, меня подбрасывали жившие по соседству от нас Эстер, Бьянка и Эшли.

Первым уроком был Джаз для малышей (возраст от двух до четырех лет), вели его я, Бьянка и другие ребята из нашей и выпускной групп. Преподавать мне не нравилось, но я получала удовольствие уже от того, что нахожусь в студии, тем более что по субботам мы занимались вместе с ребятами из танцевальных школ со всего Золотого побережья. Мы демонстрировали друг другу, какие движения выучили за неделю, и делились прозрачным лаком для ногтей, когда нужно было замазать стрелки на блестючках (блестючки, друзья мои, это колготки с лайкрой, если вы не знали). В нашей танцевальной студии не было обязательной, одинаковой для всех формы; носить можно было что хочешь, лишь бы одежда была классной и помогла тебе затмить других танцоров. Например, один из парней, еще не объявивший открыто о своей ориентации, был явно равнодушен к кислотно-желтому трико – он натягивал его даже в тридцатичетырехградусную жару, видимо, считая, что ради того, чтобы все тебе завидовали, можно и попотеть.

Мисс Колин носила только черное. Черное с черным в черную крапинку и с черной отделкой. А макияж у нее на лице всегда был такой плотный, что моя сестра сочиняла, будто она сначала рисует лицо на покрывале, а потом, спрятав руки за спину, ничком падает на кровать, чтобы оно отпечаталось в нужном месте.

В шестидесятые мисс Колин несколько раз летала во Вьетнам и там участвовала в концертах для военнослужащих – с этими поездками у нее было связано много романтических воспоминаний. Она была прирожденной артисткой и отдавала студии и нам, ученикам, все, что у нее было, без остатка, не жалея ни вспыльчивости, ни склочности.

Следом за джазом шел урок чечетки для малышей, и в зале становилось очень шумно. Потом были занятия средней группы, и вот тут начиналось самое интересное. Потому что к этому времени в студию стекались танцоры старшего возраста, принимались за растяжку и примерку костюмов для предстоящих выступлений. Наступал перерыв, и все мы бежали в «Северн Элевен» – купить замороженный напиток «Слурпи» и жележных червячков, которых мы засовывали в трубочку от «Слурпи», чтобы они тоже заledenели. Мисс Колин всегда поручала кому-нибудь из самых надежных ребят (читай: своих любимчиков) принести ей чизбургер без булочки, банку колы и шоколадку. Но меня она этой чести никогда не удостоивала.

Затем мы возвращались в студию, и наконец наступало наше время: время шоу-группы и выпускного класса. Как же мы ЗАЖИГАЛИ! Старались так, будто выступали на Медисон-сквер-гарден, а на подтанцовке у нас была Джей Ло. Ну, я, по крайней мере. Что делали остальные, я не знаю, так как всегда закрывала глаза для лучшего эффекта.

Народ в танцевальной студии занимался самый странный, но мне там всегда было спокойно. Например, Мистер Кислотно-Желтое Трико обожал ни с того ни с сего делиться со мной подробностями своей сексуальной жизни. Всех окружавших его людей он называл С – «Сэ», сокращение от слова «сучка». Я поначалу подумала, что это он лично мне придумал такое прозвище, в знак особого расположения. А когда узнала правду, меня это и смутило, и развеселило одновременно.

Если Мистеру Кислотно-Желтое Трико казалось, что я недостаточно стараюсь в любой из областей своей жизни, он тут же начинал меня подначивать и допытываться, в чем дело. Он смеялся над моими шутками и закатывал глаза, когда я начинала жаловаться, что мне *снова* не досталось места в первом ряду, потому что туда ставят только хорошеньких блондинок.

*– Слушай, Сэ, тебе туда ни за что не попасть. У мисс Колин есть любимчики, но ты не из их числа. Зато я тебя люблю. Просто смирись.*

*– Но я так стараюсь.*

*– Это никого не волнует. Пошли лучше посидим на солнышке и перемоем кому-нибудь кости.*

Танцевальная студия стала для меня вторым местом после родительского дома, где не страшно было показаться шумной, не похожей на других выскочкой.

В этом году мисс Колин умерла. Ей было 77. Я всегда буду благодарна ей за то, что она научила меня считать до восьми, и за то, что музыка на наших уроках орала так громко, что, по-моему, я до сих пор не слишком хорошо слышу.

## Глава, в которой я делюсь своей историей под тэгом #metoo (Грустный Смайл)

Я ВСЕЙ ДУШОЙ ПОДДЕРЖИВАЮ движения #metoo и #timesup. И не стесняюсь говорить все, что думаю о праве женщин на равное положение с мужчинами и о том, какая это чушь – утверждать, будто мы не должны так бурно реагировать на сексистскую хрень, потому что мы же девочки.

У меня тоже есть история под тэгом #metoo – на самом деле даже две, – и в своей книге я их расскажу, потому что мне так хочется. Но имен людей, о которых пойдет речь, называть не буду – и тоже потому, что мне так хочется. Это *мои* истории и *мой* опыт. И несмотря на то что они ни в коей мере не повлияли на то, каким человеком я стала, они все же остаются моими историями.

Я давно заметила, что стоит в подобных случаях назвать имена реальных людей, и все внимание переключается *на них*. Народ начинает проклинать агрессора, а о жертве мгновенно забывает. Она становится просто еще одной никому не интересной женщиной, которой не повезло. Зато преступника все обсуждают, он буквально просыпается знаменитым. В то время как суть всех этих историй в том, что в нашем обществе сложилась определенная культура, которую давно пора разрушить.

Я решила рассказать о своем опыте на страницах этой книги, потому что искренне желаю, чтобы другие девушки и женщины поступали тем или иным образом только потому, что так хотят. А не потому, что считают, будто что-то должны. Единственные, кто действительно что-то должен в этих жутких ситуациях, – это мужчины. Должны не принуждать девушек к сексу, не нападать на них, не унижать их, не запугивать. Ни словом, ни делом во веки веков, аминь.

В 1996-м, на четырнадцатый год моих занятий танцами и четвертый в «Школе талантов Джонни Янга», мне дали сольный номер для отчетного концерта в конце года. Я была единственной выпускницей и участницей шоу-группы, которой еще ни разу не доставалось сольного номера. Но тот год должен был стать *моим*. Вне всяких сомнений! Правда, я так думала и во все предыдущие годы, эта мысль гвоздем сидела у меня в голове. Но в тот раз все было иначе, я даже не вскрикнула, когда знакомый гвоздь в очередной раз вонзился мне в мозг и кровь брызнула во все стороны. Я была готова – я, черт меня подери, на свет родилась, чтобы станцевать это соло.

На отчетных концертах мисс Колин обычно представляла попури из какого-нибудь мюзикла. Слово «попури» в данном случае означало, что мисс Колин выдергивала из спектакля свои любимые номера и кое-как подгоняла под музыку отработанные на предыдущих концертах хореографические движения. Будет ли в таком куцем виде понятен сюжет и что же останется от классической постановки, ей было абсолютно плевать. **НО НАМ ИДЕЯ СТРАШНО ПРАВИЛАСЬ!**

В попури участвовали только танцоры из шоу-группы. В один год для постановки выбрали «Бриолин». Сэнди играла хорошенькая блондинка Джули, Дэнни играл Реми, единственный натурал из всех юношей-танцоров, его родители всеми силами пытались сделать из сына суперзвезду. Мне же досталась роль одной из леди в розовом. Я держалась позади и шепотом подпевала песням, безбожно искажая текст, чтобы рассмешить свою подругу Бьянку. На следующий год ставили «Вестсайдскую историю». Марию играла хорошенькая блондинка Джули, Тони играл Реми. А мне страшно повезло, я блистала своим недюжинным талантом в массовке, изображая одну из пуэрториканок.

И вот наступил 1996-й, последний год моего обучения. В этот раз для отчетного концерта готовили «Милую Чарити» в классической постановке 1966-го, и мне дали – лучше при-

сядьте! – ГЛАВНУЮ РОЛЬ. Да, милые мои, я должна была играть Чарити Хоуп Валентайн в мюзикле «Милая Чарити». (Надменный смайл.)

Человек, достигший в студии таких недостижимых вершин, как положение танцора шоу-группы и участника урезанного мюзикла, обязан был, помимо прочего, обладать еще одним выдающимся талантом – он должен был уметь невероятно быстро переодеваться за кулисами. Эти переодевания были едва ли не важнее самого выступления на сцене. Дело требовало ответственного подхода и тщательной подготовки. Членам шоу-группы частенько поручали помочь другим танцорам с реквизитом, потому что они отлично знали, как это важно. Но на тех, у кого в концерте были сольные номера, эта обязанность обычно не возлагалась. Они ведь были героями дня, и все смотрели на них снизу вверх, как на известных на весь мир врачей или Паулу Абдул.

*Мисс Колин: Нужно, чтобы во время финального припева «Поющих под дождем» кто-нибудь прокатил зонт с одного края сцены до другого. Селеста, справишься?*

*Я: О, нет, мисс Колин, я не могу. Мне же нужно успеть быстро переодеться за кулисами и вернуться, чтобы...*

*Оглядываюсь по сторонам, откашливаюсь и, дождавшись, чтобы все обернулись на меня, четко произношу.*

**Я: СТАНЦЕВАТЬ СОЛО!**

*«Соло, соло, соло», – разносит эхо.*

Чтобы во время концерта успеть быстро переодеться за кулисами, нужно подготовиться к этому задолго до того, как твои дядюшки и тетушки запишут мероприятие в свои ежедневники. Надо заранее сообразить, как будет лучше – оставить свой СК (сменный костюм, запоминайте, друзья мои) за сценой еще до начала концерта или положить его на место, пока трехлетки будут танцевать на сцене отрывок из «Лебединого озера» (худший кошмар моего папы). Еще очень важно предупредить всех, где будут лежать твои вещи, чтобы никакая озабоченная карьерой чада мамаша по ним не потопталась и все не испортила.

В тот год костюм для сольного номера мне смастерила мама. Состоял он из простого черного гимнастического купальника, который она заказала у местного дизайнера, но была в нем и кое-какая изюминка. Мама украсила купальник V-образным вырезом, спускавшимся до самой моей груди/живота, и по всему периметру обшила его черными и серебряными блестками. И свой сольный номер я должна была танцевать в этом моднейшем наряде, дополнив его бальными туфлями телесного цвета и розовым боа.

А вот после того как я исполню «Видели-Бы-Они-Меня-Сейчас» (ХА! Искусство отражает жизнь!), и должно было состояться мое супербыстрое, суперважное переодевание. Общий для всей шоу-группы номер «Транжира» мисс Колин поставила сразу после моего соло, так что мне нельзя было терять ни минуты. Разумеется, и речи быть не могло о том, чтобы просто остаться на сцене и выступить с групповым номером В ТОМ ЖЕ наряде. Пятнадцатилетняя девочка, танцующая в миниатюрном купальнике среди подростков от 13 до 17 перед залом, полным пап, дядюшек и брюзгливых друзей семьи, выглядела бы странно и неуместно.

Тут на авансцену снова вышла Кэт Барбер со своими золотыми руками, способными расшить блестками все на свете. Обычно в качестве СК использовались предметы одежды, которые можно было снять одним движением (какие-нибудь тряпицы на липучках, вроде тех, что срывают с себя стриптизеры из ансамбля «Чипендейл»). Чаще всего это были юбки, которые в нужный момент надевались поверх костюма. Но моя юбка – как вам такой поворот? – не болталась на липучках. Мама все продумала! Моя была из лайкры, так что, как только подойдет время невероятно значимого переодевания, я могла просто впрыгнуть в нее. Справа на юбке

был маленький разрез, и его мама тоже расшила черными и серебряными блестками, чтобы выдержать общий стиль вечера: *моего* вечера.

Все мои мысли были о предстоящем выступлении и о том, где же мне оставить свою сверкающую юбку из лайкры и джазовки на отдельной подошве, в которых я должна была танцевать «Транжиру». В конце концов я решила, что положу вещи прямо на пол, сразу у выхода со сцены.

За два года до описываемых событий место проведения нашего отчетного концерта изменили. Если раньше он проходил в городском клубе, то теперь для нас открылись двери казино «Юпитер» на Золотом побережье. Таким образом, мероприятие вышло на новый уровень: теперь мы выступали в процветающем заведении, куда со всего света стекались туристы и богатые старики, рассчитывавшие подыскать себе жену-иностранку. Сама не знаю, почему нам разрешили танцевать в казино. Может, потому, что мы теперь официально считались отделением «Школы талантов Джонни Янга». А может, все дело было в том, что танцы считались занятием таким же рискованным, как и игорный бизнес.

Ведущие концерта каждый год менялись. Один раз шоу открывал Медведь Хамфри (немой медведь, прошу заметить!). На следующий год мисс Колин поручила вести концерт одному из своих сыновей, Брэду. От него эстафету принял наш учитель пения. Я и сама всегда мечтала побыть конферансье на нашем концерте. Мне казалось, что если бы шоу вел один из занятых в нем танцоров, это было бы так же круто, как когда в передаче «Субботним вечером в прямом эфире» один из актеров труппы остается после номера на сцене, выходит из образа и объявляет начало передачи. Я страстно желала заполучить эту должность.

Но в тот год вести концерт пригласили какого-то пожилого аниматора из местных. Уверена, в двадцатые он начинал как сутенер, а затем, в продолжение карьеры, решил заделаться ведущим вечерних шоу на круизных лайнерах и детских отчетных концертов.

И вот я все заранее подготовила, оттанцевала свой сольный номер – ой, простите, СРА-ЗИЛА зал наповал своим изяществом – и ринулась за кулисы, стараясь не столкнуться с другими, чуть менее талантливыми танцорами, спешившими на сцену со стульями в руках и боа из перьев на плечах. Мне нужно было успеть натянуть мой заботливо расстеленный на полу наряд.

Он лежал ровно на том месте, где я его оставила. СУПЕР, займемся делом!

Поправляя на бегу прищипленный к волосам парик, я бросилась к своим вещам и вдруг обнаружила, что прямо над ними возвышается стул. Без проблем: нырну под него, схвачу свой костюм, натяну его и успею вернуться на сцену к первым тактам «Транжиры» – и буду танцевать в самом центре, у всех на виду, где мне самое место, черт побери!

И в эту самую минуту я вдруг поняла, что на стуле сидит конферансье. Жирный Бездарный Старик мешал мне взять то, что было мне нужно (чем не метафора типичной женской судьбы?). Сидя на стуле, Жирный Бездарный Старик разговаривал с владельцем студии. Хотелось бы мне сказать, что это была мисс Колин, потому что она бы точно не дала случиться тому, что вскоре произошло. Но, к несчастью, это был еще один Жирный Бездарный Старик, который в данный момент, как это часто бывает за кулисами детских концертов, беседовал с ведущим о старых добрых временах. Увидев меня, старики с усмешкой переглянулись, а затем конферансье заговорил.

*Жирный Бездарный Старик: Что случилось, деточка?*

*Я: Эмм... мне нужно взять свои вещи.*

*ЖБС: А где они?*

*Я: Эмм... под вашим стулом.*

*ЖБС: А, ясно.*

С этими словами он взглянул на второго Жирного Бездарного Старика и осклабился.

Со сцены уже доносились первые аккорды «Транжиры», мне нужно было побыстрее забрать костюм и убираться оттуда. Но когда я поняла, что мне придется сделать, и увидела ухмылки на их лицах, я просто застыла на месте.

Конферансье, не сводя с меня глаз, удобнее устроился на стуле – на гребаном стуле, который сейчас стоял между мной и моим костюмом, между мной и моей карьерой! Скрестив руки на груди, он развел ноги так широко, как только могли позволить его древние скрипучие суставы, и съехал ниже по сиденью промежностью.

– Что ж, деточка, полезай под стул и возьми.

Я не могла двинуться с места. Это что, такая нелепая шутка? Затем я медленно направилась к стулу, чувствуя, как они оба пялятся на меня, и понимая, что меня сейчас стошнит.

Поравнявшись со стулом, я торопливо опустила на колени и потянулась за своими вещами, а конферансье развел свои коротенькие толстые ножки еще шире, съехал на сиденье еще ниже, так, чтобы его промежность оказалась прямо перед моим лицом, и картинно застонал. И второй Жирный Бездарный Старик рассмеялся.

Мне хотелось крикнуть ему: «Пошел на хуй! Пускай ты мужчина, а я только маленькая девочка, все равно пошел на хуй!»

Вытащив из-под стула свои шмотки, я подумала: «Отлично, я справилась. Теперь переоденусь, свалю отсюда, а после концерта расскажу обо всем отцу. И дяде Рэю – его, правда, вообще в зале не было, но он не поленится провести семь часов за рулем, чтобы приехать сюда и хорошенько отделать этих двух животных».

К несчастью, мы выступали не на «Арене 02», хотя порой нам и нравилось себе это представлять, и за кулисами было не так уж много места. И очень скоро я поняла, что мерзкие мужики не закончили меня унижать. Нет, это было только начало, в чем мне еще предстояло убедиться.

Переодеться можно было только здесь же, на глазах у сладко постанывающих жирных уродов, привыкших относиться к женщинам как к вещам. У меня поджилки затряслись от страха. Я поняла, что должна буду либо пропустить танец – танец, которого я так ждала, к которому долго готовилась, *мой* чертов танец, – либо переодеться перед этими свиньями, которым нравилось пугать и смущать пятнадцатилетнюю девочку, которую они в тот день вообще-то должны были развлекать.

Я опустила голову и начала быстро переодеваться. А они все время пялились на меня и отводили глаза только для того, чтобы подмигнуть друг другу. Я старалась не думать о них и слушать раздающуюся со сцены музыку, зная, что чем быстрее закончится это вынужденное представление за кулисами, тем быстрее я окажусь на сцене и выступлю в свете софитов.

Я переобулась, натянула юбочку и со слезами на глазах выбежала на сцену, опоздав на четыре такта.

Слезы вскоре высохли, а лицо заблестело от пота, потому что танцевала я на пределе сил, стараясь выбросить из головы все, что со мной случилось, а еще лучше убедить себя в том, что ничего не было и я все это выдумала.

## Глава о моем несуществующем брате Майкле

В ДОМЕ, ГДЕ ПРОШЛО мое детство, был гараж, и в дальней его части отец оборудовал для нас с Лив гардеробную. Там мы хранили все наряды для выступлений, которые шила мама, помогая нам выстроить пока не слишком прибыльные, но желанные карьеры эстрадных артисток. Комната была отпадная.

Мы с сестрой считали ее волшебным местом. Ведь там сливались воедино два наших мира.

Чем старше мы становились, тем было заметнее, насколько мы с Оливией разные. Она была самостоятельной, уверенной в себе, а питалась исключительно яблоками, зато съедала штук по 37 в день. А еще она ничего на свете не боялась, хотя и была неуклюжа, как младенец, пытающийся освоить одноколесный велосипед.

Помню, как-то раз мы возвращались из школы, и вдруг она сказала:

– Спорим, если разгонюсь как следует, я смогу перепрыгнуть вон тот забор из колючей проволоки, высотой в четыре фута. – И тут же ринулась на этот самый забор. Закончилась та история разодранной коленкой, поездкой в больницу и двенадцатью швами.

А совсем недавно она снова решила блеснуть ловкостью и прокатиться на скейтборде. Что может быть естественнее для женщины тридцати шести лет, которая даже на газоне спотыкается?

– Можно мне опробовать твой скейт? – прекрасным летним днем спросила она Апи.

– Конечно, дружок. – Апи ее обожает.

На доску она запрыгнула с видом профи. И вот скейтборд с балансирующей на нем хохочущей во все горло Оливией помчался вниз с холма, а Апи помчался рядом, умирая от страха, который вообще-то должна была бы испытывать моя сестра.

Когда скорость начала зашкаливать, он крикнул:

– Слушай, Ливво (так он ее зовет), как будешь готова, спрыгивай с него и постарайся удержать равновесие.

– Отлично! – в восторге заорала она.

И, как любой из семьи Барберов, сделала все с точностью до наоборот. Оттолкнулась одной ногой и взлетела в воздух.

– Бля! Не так! – завопил Апи.

А Оливия рухнула на землю, как мешок с дерьмом.

Мы с мамой и папой и бровью не повели, ничего необычного для нас в этой ситуации не было. Но Апи перепугался, и прохожие, которые все видели, тоже напряглись. Все они бросились к Оливии, чтобы посмотреть, как она. А один милый бездомный, околавившийся поблизости, даже протянул ей свою тросточку. Оливия же хохотала так, что аж пукнула от смеха.

Я – гораздо более выдержанная особа, чем моя сестрица. Я бы точно не стала рисковать жизнью на скейтборде, потому что даже на качелях умираю от страха. Я боюсь всего. Прежде чем залезть в ванну, проверяю, нет ли там акул, а стоит кому-то произнести слово «змея», как я уже визжу и задираю ноги выше головы.

На сестру моя трусоватость действует как красная тряпка на быка: в детстве она считала своей прямой обязанностью меня доводить, и ей это отлично удавалось. У нее отменное чувство юмора, а над собой она всегда смеется громче всех.

Даже сейчас каждый раз, как мы с ней встречаемся, Оливия всеми силами пытается меня достать. Во-первых, потому что знает, что способна довести меня до 50 оттенков ярости. А во-вторых, ей нравится, когда я, размахивая руками, как вертолет лопастями винта, ору:



Мы скрестили мизинцы, а затем я обхватила себя руками за плечи, готовясь узнать самую страшную тайну в моей жизни.

*Оливия: Готова?*

*Я: Более чем!*

*Оливия: Ладно. У нас есть брат.*

*Я просто опешила. Медленно смотала с себя тюлевую занавеску, положила ее рядом с расшитым пайетками котелком и, не мигая, двинулась к сестре.*

*Я: Эээ... ЧТО?!*

*Лив: Ага, у нас правда есть брат. Его зовут Майкл.*

*Я: И где он? На втором этаже?*

*Лив: Он умер. От страшной болезни.*

*Я: Господи! От какой?*

*Лив: От лейкемии.*

*Я: Я даже не знаю, что это.*

*Лив: Это СПИД крови.*

Мне стало очень грустно, и я расплакалась. Иметь брата было бы так классно, я прямо загорелась этой идеей, и вдруг оказалось, что он умер, да еще и от жуткого СПИДа крови. Такое ведь не сочинишь, и я сразу поверила, что это правда.

*Лив: Но это еще не самое страшное.*

*Я: Как это?!*

*Лив: Когда папа делал нам гардеробную, он знал, что она нам очень понравится и мы будем все время тут играть.*

*Я: Милый папочка.*

*Лив: Поэтому они с мамой похоронили Майкла под полом гардеробной, чтобы мы могли чувствовать связь с ним.*

Тут она улыbnулась, поднялась с пола и вышла, а дверь за собой заперла, оставив меня наедине с призраком несуществующего Майкла.

Больше я не входила в гардеробную никогда. Мама частенько допоздна засиживалась над нашими костюмами. А мне нравилось смотреть, как она работает, и воображать, как я буду танцевать в сшитом ею наряде. Но стоило маме попросить меня сбегать в гардеробную и принести ей какую-нибудь швейную принадлежность, мечты обрывались. Я наотрез отказывалась это сделать, и нам обеим это разбивало сердце.

Я люблю сестру больше всех на свете (ну, после принца Гарри). Но стоит нам с ней встретить человека по имени Майкл или Мишель, и мне всякий раз приходится сделать глубокий вдох, отступить на пару шагов и напоминать себе, что сестра все же моя родная кровь и что в тюрьме мне ни за что не выжить.

## Глава о том, как меня, кажется, травили в школе

**В ШКОЛЕ МЕНЯ ТРАВИЛИ.** По крайней мере, мне так кажется.

Видите ли, это один из плюсов СДВ. Мое внимание трудно удержать. Когда одноклассники начинали обзывать меня, я успевала услышать только прелюдию: «Шлюха тупая!», а к тому моменту, как они окончательно распались, я уже мчалась к качелям в надежде поймать белку, которую видела примерно в том районе три часа назад. И потому большую часть оскорблений просто не замечала.

В наши дни словом «травля» бросаются направо и налево. Так же, как и словом «мотивация» (когда богатая полуобнаженная модель позирует фотографу на палубе папиной яхты возле берегов Французской Ривьеры, она не «мотивирует» вас, ребята, она просто хвастается). И когда моя юная падчерица кричит, что «в буквальном смысле» вскроет себе вены, если ее трехлетний брат еще раз назовет ее Попочкой, это тоже не самое точное описание того, что она собирается сделать.

Дело в том, что люди иногда бывают говнюками. Обижают вас, хамят, грубят или залезают в постель к вашему бойфренду, пока вы в соседней комнате пытаетесь помочь подруге, которую тошнит. Вас могут обзывать или, хуже того, игнорировать. Но все это не травля, это просто, ну... говняцкое поведение.

Мне кажется, со словом «травля» нужно быть осторожнее. Как-то раз один человек сказал мне, что мое лицо не нравится людям. Он повторил это несколько раз и поделился своим мнением с окружающими. И многие смеялись над его замечанием, а некоторые даже пересказали эту отличную шутку другим. Это было грубо, зло и слегка обидно, но все же травлей, на мой взгляд, это не являлось.

Когда Руби Роуз<sup>13</sup> рассказывает о том, каково ей было учиться в школе, это звучит дико, жутко и совершенно неправильно.

*В школе было пять девочек и один мальчик, которые не давали мне проходу. После уроков они гнались за мной и выкрикивали мне в спину оскорбления. Меня это приводило в такой ужас, что я неслась домой бегом – и никогда не осмеливалась дать им отпор.*

*Заплакать у них на глазах я тоже не решалась. Мне казалось, что от этого станет только хуже. Они задались целью сломать меня. Иногда подбегали и били по голове, но чаще просто запугивали.*

*А мне даже спокойнее было, когда меня сразу начинали бить. Это означало, что все скоро закончится.*

Руби Роуз определенно не обижали и не дразнили. Ее по-настоящему травили.

В школьные годы я общалась с ребятами из разных компаний. Закадычной подружки, без которой я и дня не могла бы прожить, у меня не было. Вообще в том, что касалось дружбы, я была слегка неразборчива в связях. Подолгу общаться с одним человеком мне было скучно, обязательно надо было переключиться на кого-то или что-то еще. Так дела обстояли в юности. Сейчас у меня есть шесть ближайших друзей, и если в наш тесный кружок хочет вклиниться кто-то посторонний, дверь захлопывается у него перед носом.

Но в то время у меня были подружки, с которыми мы познакомились еще в начальной школе, несколько приятельниц из старших классов, девчонки из танцевальной студии и просто ребята, которые однажды рассмеялись над очередной моей выходкой и тут же стали моими лучшими друзьями.

---

<sup>13</sup> Руби Роуз – австралийская модель, телеведущая, диджей, певица и актриса (прим. переводчика).

Но вот одной девчонке из школы я не нравилась. Это еще мягко сказано – она ненавидела меня всеми фибрами души и мечтала поколотить. Это была очень странная ненависть, ненависть с первого взгляда. Вообще-то я дружила с сестрой этой девочки (с Доброй Сестричкой), а против нее, несмотря на то что она была прекрасна, как рассвет (Сексуальная Сестричка), никогда ничего не имела.

Трудно было представить более непохожих друг на друга сестер. Добрая Сестричка была приветливая и смешливая.

Сексуальная Сестричка терпеть не могла девочек, которые дружили с мальчиками. Ей хотелось, чтобы все парни сходили по ней с ума, а все девчонки умирали от зависти. В седьмом классе во время соревнований по плаванию, пока я тщетно пыталась спрятать под купальником толстенную прокладку с крылышками, она шеголяла в крошечном сетчатом белом бикини (напоминаю, что мы учились в Католической школе, и пловцы на соревнованиях у нас обычно бывали одеты как персонажи «Рассказа Служанки»). Нужно, однако, признать, что это сработало: все мальчишки мгновенно в нее втюрились, а все девчонки позеленели от зависти. (#благословенплод) Она первой в классе решила надеть ярко-розовый кружевной лифчик под белую форменную блузку, а волосами встряхивала так, будто гравитации не существовало вовсе. Когда я бывала у них дома, Сексуальная Сестричка дефилировала в бикини передо мной и Доброй Сестричкой и требовала, чтобы мы высказали ей свое честное и беспристрастное мнение о том, насколько она хороша.

Сексуальная Сестричка отличалась не только роскошной внешностью и любовью к купальникам, напоминающим бумажные салфетки, ко всему прочему она была еще и умна, как дьявол. Без особого труда получала одни пятерки и считалась одной из лучших учениц школы. Чтоб тебе пусто было, Сексуальная Сестричка!

Я была шумной, неуверенной в себе и умела смешить людей, а Сексуальную Сестричку это не устраивало. Я ей очень не нравилась, и она задалась целью меня проучить.

Теперь-то я понимаю, что на самом деле Сексуальная Сестричка не испытывала ко мне ненависти и не хотела меня «отмудохать». Просто эта история – история о том, как классная девчонка заткнула за пояс смешную девчонку, – подарила ей всеобщее внимание, а перед этим она не могла устоять. Надеюсь, твоя душенька была довольна, милая!

Как-то раз я приехала в школу и обнаружила, что все как-то подозрительно суется вокруг... меня. Я едва успела выйти из автобуса, как какой-то пацан уже подбежал ко мне и взволнованно сообщил, что «Сексуальная Сестричка собирается меня отмудохать».

– Что? Когда? Сейчас? Но за что?

Я развернулась, чтобы запрыгнуть обратно в автобус. Но оказалось, что Деннис, водитель, очень гордившийся своей пунктуальностью, уже поехал дальше. Деннис, как ты мог?

– Нет, на большой перемене. Она говорит, что ты жирный клоун и все тебя ненавидят.

– Но разве за это бьют?

– Она хочет преподать тебе урок. Это будет бомба!

– Слушай, угомонись. Кто нам сейчас точно преподаст урок, так это мистер Гэзел в кабинете математики.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.